

Д. А. Шестаков

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

В 2001 г. исполняется четверть века как в России появились первые криминологические публикации, специально посвященные насильственным преступлениям против членов семьи¹. Насилие в семье интенсивно исследуется во многих странах. В последние десять лет в мировом сообществе это явление в силу его значительной распространенности² и опасности³ признано одной из значимых проблем преступности.

В теории семейной криминологии (криминофамилистики) помимо прочего обсуждаются возможности юридической реакции на насилие в семье. Часть высказанных предложений вошла в законодательство, в том числе в уголовное. Некоторые из этих предложений безусловно целесообразны, некоторые – не бесспорны. И те и другие нуждаются в основательном осмыслении.

В мировом уголовном законодательстве в связи с проблематикой внутрисемейных преступлений имеют место следующие веяния: 1) выдвижение неприкосновенности личности в качестве нового объекта уголовно-правовой охраны; 2) включение в уголовное законодательство специальных составов преступлений, охватывающих преступления, совершаемые против семейного окружения; 3) расширение понятия психического насилия, влекущего уголовную ответственность; 4) стремление подменить в протекании уголовного законотворчества проблему внутрисемейных преступлений вопросом о насилии против женщин; 5) предложения усилить ответственность за преступления, совершенные при обстоятельствах, характерных для насилия в семье; 6) освобождение от осуждения, сопряженное с улаживанием семейного конфликта; 7) условное неприменение наказания, связанное с прохождением курса психологической адаптации; 8) условно-досрочное освобождение осужденного от наказания в виде лишения свободы с учетом успешно пройденного им предварительного курса психологической адаптации.

Дает ли криминофамилистика повод для дальнейшей криминализации?

1. Среди исследователей внутрисемейных преступлений распространено утверждение о том, что в последнее десятилетие двадцатого

века в связи с данной проблемой в уголовном законодательстве появляется новый объект правовой охраны: неприкосновенность («цельность») личности (*Integrität*)⁴. В Уголовном кодексе Швеции (гл. 4, § 4а) на основании этого объекта сформулирован состав преступления, в котором сделан акцент на «тяжелом нарушении самочувствия (самоощущения) личности по причине тяжкого нарушения ее неприкосновенности».

Положение о том, что личная неприкосновенность образует родовой объект преступлений, посягающих на личность, возражений не вызывает. Личность в принципе должна быть неприкосновенна, ее надо охранять, в том числе уголовно-правовыми средствами. Но, как известно, посягательствам подвергаются различные стороны существования человека, выступающие в качестве непосредственных объектов преступления: его достоинство, половое самоопределение, свобода, здоровье, жизнь, – что обусловило необходимость соответствующей дифференциации преступлений в законе с выделением убийства, причинения вреда здоровью, незаконного лишения свободы, изнасилования и т. д. Неприкосновенность личности стоит за этими конкретными объектами как некая абстракция, использование же этой абстракции при законодательном определении состава того или иного преступления в качестве его непосредственного объекта, по нашему мнению, неоправдано, поскольку порождает дублирование, так называемую «идеальную совокупность» преступлений, при которой одно и то же деяние расценивается как два преступления, что помимо прочего обуславливает излишние сложности при выборе адекватной меры наказания.

УК РФ в качестве непосредственных объектов преступлений по существу усматривает неприкосновенность отдельных сторон жизнедеятельности человека: собственно его жизнь и здоровье (гл. 16), свободу, честь и достоинство (гл. 17), половую неприкосновенность и половую свободу (гл. 18), конституционные права и свободы (гл. 19). Неприкосновенность личности как таковая непосредственным объектом какого-либо преступления по российскому законодательству не является, введение подобного состава преступления было бы ошибкой.

2. Современное мировое уголовное законодательство включает в себя специальные составы насильственных⁵ преступлений, совершаемых против семейного окружения: тяжкое нарушение неприкосновенности личности (Швеция); домашнее насилие (Испания); насильственные действия в семье (ФРГ); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (Россия) и, конечно, выделенное в

уголовных кодексах многих стран убийство матерью новорожденного ребенка.

В абзаце 1 § 4а гл. 4 Уголовного кодекса Швеции установлено: «Кто совершит против близкой ему или бывшей прежде близкой персоны преступления, предусмотренные главой 3, 4 или 6 (*различные преступления против личности*– прим. Д. Ш.), поскольку каждое отдельное деяние представляет собой часть повторяющейся обиды персоны и связано с тяжелым нарушением ее самочувствия по причине тяжелого нарушения неприкосновенности, приговаривается к тюремному наказанию сроком от шести месяцев до шести лет».

Статья 153 Уголовного кодекса Испании предписывает: «Кто привычно употребляет физическое или психическое насилие против кого-либо, кто является или был его супругом, или против персоны, которая с ним продолжительно тесным образом эмоционально связана или была связана, или против собственных детей или детей супруга или детей сожителя, или против подопечных, потомков или недееспособных, которые с ним живут или подчинены его власти, опеке, попечительству или фактическому присмотру или приняты им в дом (*асогименто*), подлежит наказанию от шести месяцев до трех лет лишения свободы...».

Под привычным употреблением, которое упоминается в предшествующем абзаце, понимается некоторое число совершенных насильственных действий, учитываемых только во временной близости, независимо от того, были ли эти действия уже предметом приговора в рамках одного процесса.

§ 225 Уголовного кодекса ФРГ «Жестокое обращение с подопечным» содержит следующий состав преступления: мучение или истязание, или причинение вреда здоровью посредством злонамеренного пренебрежения обязанностью заботиться о лице, не достигшем восемнадцатилетнего возраста, или беззащитном в силу беспомощности либо болезни, которое 1) подлежит со стороны виновного попечению или присмотру, 2) относится к его домашнему кругу, 3) относительно которого ему вменена обязанность заботиться, 4) которое подчинено ему в рамках службы или производственных отношений, – влечет наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до десяти лет.

Далее в статье наказание дифференцируется в пределах указанной санкции в зависимости от того, не был ли потерпевший поставлен в опасность наступления смерти, тяжкого или значительного вреда физическому либо психическому развитию.

Приведенные составы различаются по конструкции. Так, если по испанскому и немецкому законодательству (простой, не квалифицированный состав) не предусмотрено наступление каких-либо последствий, шведское законодательство предполагает наступление «тяжелого нарушения самочувствия (потерпевшего) по причине тяжкого нарушения (личной) неприкосновенности».

Есть различия и в том, как очерчен круг потерпевших. По Уголовному кодексу ФРГ он значительно уже⁶, к нему отнесены только подопечные, а также те относящиеся к домашнему очагу (совместно проживающие) персоны, которым не исполнилось 18 лет или которые являются беззащитными на почве физических недостатков или болезни. Например, весьма распространенной разновидности насилия, а именно насилия против супруга, не находящегося под опекой и не являющегося в силу указанных в статье обстоятельств беззащитным, этот состав не охватывает⁷.

Во всех трех кодексах внутрисемейные преступления описаны в виде неоднократных, взаимосвязанных действий. Наиболее существенной общей чертой данных составов, на наш взгляд, является то, что охарактеризованные в них насильственные действия входят вместе с тем в составы других преступлений (причинение различной степени вреда здоровью, истязание и др.). Ответственность за эти преступления предусмотрена теми же кодексами, в силу чего особое установление уголовной ответственности за внутрисемейное насилие, по нашему мнению, не имеет смысла.

Связанная с проблематикой нового перспективного направления семейной криминологии, посвященного жестокому обращению с детьми, ст. 156 УК РФ устанавливает наказание за «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности... если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним» (*Курсив – Д. Ш.*). Насилие в отношении несовершеннолетнего является необходимым условием уголовной ответственности. Данному составу преступления, отличающемуся от рассмотренных выше только тем, как в нем представлены потерпевший и характер его взаимоотношений с осуществляющим насилие лицом, может быть адресована та же самая критика. Ответственность за насильственные действия уже установлена общими нормами о преступлениях против неприкосновенности личности, в связи с чем не было нужды создавать особую норму, охраняющую детей.

Ошибкой юридической логики следует считать и сосуществование в уголовном законодательстве многих стран наряду с общим составом *убийства* также привилегированного состава *убийства матерью ее новорожденного ребенка*. Понятно, что появление этого состава объясняется гуманным стремлением облегчить судьбу части убийц женского пола. В России ст. 106 УК к данной разновидности относит убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, а также любое убийство, совершенное матерью во время или сразу же после родов⁸. Наказывается это преступление лишением свободы на срок до пяти лет, значительно мягче по сравнению с обычным убийством⁹.

Известное обоснование привилегированности данного состава тем, что детоубийца действует под влиянием только что перенесенного ею потрясения, сопровождающего роды, разбивается о накопленные семейной криминологией факты так называемых предумышленных убийств младенцев, задуманных еще в период беременности. Нельзя сбрасывать со счета и то, что некоторые из них совершаются неоднократно, а также с особой жестокостью¹⁰.

Законодатель вступил в явное противоречие с самим собой и запутался окончательно, устанавливая наряду с льготой для матерей, убивающих своих новорожденных детей, действующее для всех прочих преступлений в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, «совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица, находящегося в зависимости от виновного» (УК РФ, ст. 63). Беспомощность лица является также признаком «квалифицированного» убийства, за которое установлено предельно строгое наказание (УК РФ, ст. 105, ч. 2, п. «в»). Казалось бы, с позиций логики следовало бы ответственность за убийство всех беспомощных или усиливать, или смягчать, или оставлять на среднем уровне, не придавая состоянию беззащитности значения.

Но наряду с юридической логикой есть и другая логика – логика всемерного содействия смягчению репрессии, в силу которой мы считаем оправданным сохранение данной юридически не увязанной «не справедливой» в сопоставлении с участием других категорий убийц льготы вплоть до того времени, когда санкция за простое (без отягчающих обстоятельств) убийство снизится до санкции детоубийства.

3. В мировой семейной криминологии обсуждается вопрос о дальнейшей криминализации деяний, связанных с *психическим* насилием, которое трактуется шире, нежели угроза совершением тех или

иных вредных для терпящей стороны действий. Предметом обсуждения стали такие деяния как, например, запираение ребенка на длительное время в подвале, когда он тем самым подвергается страху¹¹. Уголовный кодекс Испании, как отмечено выше, устанавливает наказуемость психического домашнего насилия, не давая ему определения. Таким образом, решение вопроса об ответственности в конкретных случаях оставляется на усмотрение суда, что нам представляется неоправданным.

По всей видимости, ответственность за психическое насилие все же может предусматриваться уголовным законом, но при соблюдении двух нижеследующих условий. Во-первых, в законе должно быть сформулировано общее правило о том, что уголовную ответственность влечет за собой причинение вреда личности, предусмотренного в разделе о преступлениях против жизни и здоровья (убийство, причинение вреда здоровью и др.), посредством психического воздействия на нее, а также в предусмотренных законом случаях создание посредством психического воздействия на личность реальной опасности наступления такого вреда (например, опасность совершения потерпевшим самоубийства или существенного отклонения в развитии несовершеннолетнего). Во-вторых, следует конкретизировать, какие именно деяния законодатель относит к влекущему уголовно-правовые последствия психическому воздействию, включив в их число, в частности, нагнетание страха.

4. Движимое в значительной мере феминистскими силами законотворчество о предупреждении насилия в семье в США и некоторых других странах, а также разработка международно-правовых актов нередко смещается в сторону насилия исключительно против женщин. Данный вопрос в области уголовного права возникал при формулировании составов преступления о семейном (домашнем) насилии, в частности, в Испании¹², где он в конце концов был решен отрицательно. Шведскому законодателю все же не удалось вовсе избежать включения в уголовный кодекс подобного состава. А именно в уголовном кодексе, в упомянутом выше § 4а гл. 4 о нарушении неприкосновенности личности далее в абз. 2 установлено, что, если предусмотренные в первом абзаце действия совершаются мужчиной против женщины, на которой он женат или был женат или с которой сожительствует или сожительствовал, то он при условии тяжелого нарушения личной неприкосновенности (потерпевшей) приговаривается к такому же наказанию. Законодатель пошел на уступку сторонникам особой охраны женщин, сформулировав на этот случай особый со-

став, который, впрочем, ничем не отличается от такого же универсального состава, относящегося к обоим полам, и снабжен точно такой же санкцией.

В России подобная постановка вопроса также имела место при обсуждении концепции проекта межотраслевого закона «О предупреждении насилия в семье»¹³. По всей видимости, она возобновится при разработке обусловленных развитием семейной криминологии положений уголовного права по подобию того, как это происходит в иных государствах. Предвидя это, еще раз подчеркнем, что создание преимуществ или ограничений в уголовно-правовой защите интересов представителей того или другого пола нарушило бы закрепленное в Конституции РФ (ст. 19) равенство прав человека и потому в принципе не должно иметь места. Исключение, касающееся смягчения ответственности матерям-убийцам, нами обосновано выше.

5. При разработке законопроектов, связанных с внутрисемейными насильственными преступлениями, высказываются предложения усилить за эти преступления ответственность¹⁴, что, в частности, могло бы быть достигнуто дополнением имеющегося в общей части уголовного законодательства перечня отягчающих обстоятельств, а также квалифицирующих обстоятельств в конкретных статьях особенной части, соответственно обстоятельствами, связанными либо вообще с совершением преступления против кого-либо из семейного окружения, либо с теми или иными характерными для семейного насилия проявлениями.

Замысел ужесточить наказание за любые преступления против родных и близких отражения в УК РФ не нашел, но более конкретные характеристики жертвы, имеющие отношение к данному виду преступлений, вошли в перечень отягчающих обстоятельств, который теперь включает в себя совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного (УК РФ, ст. 63, п. «з»). В качестве квалифицирующего обстоятельства, отягчающего ответственность за убийство (УК РФ, ст. 105, ч. 2, п. «в»), а также за умышленное причинение тяжелого (УК РФ, ст. 111, ч. 2, п. «б») и средней тяжести вреда здоровью (УК РФ, ст. 112, ч. 2, п. «в») установлено совершение этих преступлений в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Ответственность за истязание усиливается, если оно осуществляется в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (УК РФ, ст. 117, ч. 2, п. «г»).

Мы отрицательно оцениваем как само намерение усилить ответственность, так и введение названных отягчающих – общих и квалифицирующих – обстоятельств. Вообще усиливать и без того жесткое современное законодательство дальше некуда, да и это противоречило бы общей тенденции его развития, было бы регрессом уголовного права, тянуло бы его назад. Что же определенно касается внутрисемейных преступлений или же нередко сопутствующих им обстоятельств (беспомощное, зависимое положение жертвы, ее малолетство), то едва ли их можно оценивать более отрицательно по сравнению с обычными преступлениями. Скажем, порка ребенка – дело, безусловно, скверное, она представляет собой преступное посягательство на личность. Но чем это преступление хуже, по сравнению с избиением взрослого человека, которого подкараулили в парадной? Чем убийство немощного старика или младенца хуже, по сравнению с убийством того, кто находится в расцвете лет?.. Впрочем, что касается младенцев, то с ними, как мы уже говорили, у законодателя вышла несуслица, по его логике, они вроде как бы и не беспомощные и не зависимые... Данные отягчающие обстоятельства надо отменить.

Криминофамилистические основания смягчения уголовно-правовых последствий преступления.

6. В общем целесообразными новшествами мирового уголовного законодательства, осуществляемыми в связи с проблематикой внутрисемейных преступлений, представляются те из них, которые связаны с так называемой «интервенцией» (*Intervention*), т. е. смягчением ответственности с целью улаживания конфликта без осуждения виновного, а также условным осуждением и условно-досрочным освобождением от отбывания наказания¹⁵.

Так, законодательство США предусматривает возможность принятия судом на предварительном слушании дела решения о направлении лица, обвиняемого в насильственном преступлении против члена его семьи, на прохождение «специальной консультационной программы». Такое решение принимается на основании соглашения, заключаемого с обвиняемым. Программа представляет собой осуществляемый на основании психологической методики курс тренировок, которые проводятся в группах, состоящих из 15–18 человек – на протяжении от 4 до 12 месяцев под руководством специалиста. За прохождением программы надзирает офицер службы пробации. Программа проводится за счет обвиняемого на основании гибкой шкалы цен, принимающей во внимание его материальное положение. Если обвиняемый успешно прошел программу, обвинение может быть снято

или смягчено. Если он уклоняется от прохождения программы, то процедура его уголовного преследования возобновляется¹⁶.

Австрийскими семейными судами для разрешения конфликтов между членами семьи в качестве альтернативы уголовной ответственности используется институт посредничества¹⁷. Его преимущество перед американскими программами состоит в том, что посредник – специалист в области разрешения конфликтов – работает не с одним лишь, а обоими участниками конфликта с учетом известной истины: когда двое ссорятся, оба не правы.

По российскому законодательству лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (УК РФ, ст. 76). Эта вообще полезная норма распространяется в отношении семейного насилия по существу только на такие преступления, как умышленное причинение вреда здоровью (ст. 115), побои (ст. 116), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 114). Представляется, что именно применительно к внутрисемейным преступлениям круг их с учетом интимности и многоплановости взаимоотношений между ссорящимися супругами мог бы быть расширен с охватом также истязания (ст. 117) и умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст. 112). В ст. 76 УК РФ следовало бы внести соответствующее дополнение.

Заслуживает внимания такая форма уголовно-правового воздействия, как осуждение без назначения наказания, которая предусмотрена ст. 79 УК Беларуси (1999 г.). Осуждение без назначения наказания может определяться судом при совершении менее тяжкого преступления при условии, что в период после преступления виновный «своим поведением проявил стремление к правопослушному поведению» и его дальнейшая ресоциализация возможна без применения наказания, но в условиях осуществления за ним профилактического наблюдения в течение срока судимости¹⁸.

Вопрос об использовании специальной психологической помощи для разрешения криминогенных семейных конфликтов уже довольно давно поставлен в российской семейной криминологии¹⁹. Западный, в частности, американский опыт ее практического применения свидетельствует о том, что она достаточно результативна против возобнов-

ления насилия²⁰. Полагаем целесообразным дополнить УК РФ статьей 76¹, устанавливающей возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести лиц, выразивших согласие пройти курс психологической помощи. Эта помощь может быть, в частности, выражена в посредничестве при разрешении конфликта. В той же статье следовало бы предусмотреть освобождение от уголовной ответственности за истязание или умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью члену семейного окружения лица, совершившего насилие, на тех же условиях, дополненных примирением с ним потерпевшего.

7. В США большая часть решений суда о направлении лица, совершившего насильственное преступление в семье, на прохождение специальной профилактической программы вместо реального отбывания им наказания принимается в рамках обвинительного приговора²¹. Согласно российскому законодательству, суд, назначая наказание условно, может возложить на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, в примерный перечень которых закон помимо прочего включил осуществление материальной поддержки семьи, прохождение курса лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению (УК РФ, ст. 73, п. 5). Перечень обязанностей желательно дополнить прохождением курса психологической помощи, оговорив, что данная обязанность возлагается на осужденного при выражении им на то согласия.

8. Норму об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (УК РФ, ст. 79, ч. 2) следовало бы дополнить положением о том, что, если осужденным успешно пройден курс психологической адаптации, суд принимает это обстоятельство во внимание при решении вопроса об освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Выводы. Введение в уголовное законодательство новых составов преступления, включающих в себя совершение насильственного деяния против семейного (домашнего) окружения, не оправдывает себя, поскольку соответствующие деяния предусматриваются в рамках составов других преступлений против личности. Дальнейшей разработке подлежит вопрос об ответственности за психическое насилие, осуществляемое, в частности, посредством нагнетания страха. Исключению из уголовного законодательства подлежат такие отягчающие, в том числе квалифицирующие обстоятельства, как совершение преступления в отношении малолетнего, беззащитного, беспомощного, зави-

симого лица – в связи с тем, что они не всегда отражают повышенную общественную опасность и противоречат имеющему место смягчению наказания за убийство матерью ее новорожденного ребенка. В законе должно быть установлено, что прохождение курса психологической адаптации, в том числе в виде посредничества при примирении, может служить основанием для освобождения от осуждения, для условного осуждения и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы.

¹ Шестаков Д. А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ. 1976. № 11. С. 116–121.

² Yllo K., Straus M. Patriarchu and violence against wives: The impact of structural and normative factors // International Journal of Comparative Social Welfare. 1984. № 1. P. 16–29.

³ Шестаков Д. А. Убийства на почве семейных конфликтов. Л., 1981; Gondolf E. W., Shestakov D.A. Spousal Homicide in Russia Versus the United States: Preliminary Findings and Implications // Journal of Family Violence. New York, London. 1997. № 1. P. 63–74; Duppong K. L. Intimate partner homicide: the role of gender equality and type of intimate relationship. Illinois, 1999.

⁴ Espinosa Ceballos E. M., de, Hamdorf K. Die Integrität der Person als Rechtsgut – eine Betrachtung der spanischen und schwedischen Regelungen zur familiären Gewalt // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2000. № 3. S. 163–175.

⁵ Имеются также составы ненасильственных преступлений против семейного окружения. См., напр.: § 247 Уголовного кодекса ФРГ (домашняя и семейная кража), ст. 157 УК РФ (Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей).

⁶ Espinosa Ceballos E. M., de, Hamdorf K. Die Integrität der Person als Rechtsgut – eine Betrachtung der spanischen und schwedischen Regelungen zur familiären Gewalt. S. 170.

⁷ См.: Espinosa Ceballos E. M., de, Hamdorf K. S. 170.

⁸ Удачнее сформулирован аналогичный состав преступления в ст. 140 УК Республики Беларусь, в котором в качестве убийства матерью новорожденного ребенка понимается лишь такое, которое совершено *в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами*. Хотя, конечно, было бы более последовательным установить: *«обусловленное психотравмирующей ситуацией, вызванной родами»* (курсив – Д. Ш.).

⁹ За обычное убийство (ст. 105 УК РФ) применяется лишение свободы в пределах от шести до пятнадцати лет, а за убийство, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах, – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет либо смертная казнь или пожизненное лишение свободы.

¹⁰ Шестаков Д. А. Убийства на почве семейных конфликтов.

¹¹ См.: Espinosa Ceballos E. M., de, Hamdorf K. S. 170.

¹² Espinosa Ceballos E. M., de, Hamdorf K. Die Integrität der Person als Rechtsgut – eine Betrachtung der spanischen und schwedischen Regelungen zur familiären Gewalt.

S. 163–175.

¹³ Бурлаков В. Н., Шестаков Д. А. Предупреждение насилия в семье и его законодательное регулирование // Вестник СПбГУ. 1996. № 1. С. 121–126.

¹⁴ Schestakov D. A. Legislative solution of conflicts in Russia in connection with problems of family criminology // H. I. Sagel-Grande, M. V. Polak. Models of conflict resolution. Antwerpen–Apeldoorn, 1999. P. 157–165.

¹⁵ Shestakov D. A. Familie und Kriminalprävention // Internationale Perspektiven in Kriminologie und Strafrecht. Festschrift für Günther Kaiser zum 70. Geburtstag. Herausg. H.-J. Albrecht, F. Dünkel, H.-J. Kerner, J. Kürzinger, H. Schöch, K. Sessar, B. Villmow. Berlin, 1998. S. 897–905.

¹⁶ Gondolf E. W. Malle batteres. In: R. Hampton (Ed.) Family violence: Prevention and treatment. Thousand Oaks. 1993. P. 230–257.

¹⁷ Egger R., Fröschl E., Lercher L., Logar R., Sieder H. Gewalt gegen Frauen in der Familie. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik, 1995. S. 193.

¹⁸ Хомич В. М. Формы реализации уголовной ответственности. Мн., 1998. С. 108.

¹⁹ Шестаков Д. А. Семейная психотерапия и предупреждение преступлений (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ. 1989. № 6. С. 56–61.

²⁰ Gondolf E. W. Reassault at 30-months after batterer program intake. International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2000. № 44. P. 111–128.

²¹ Gondolf E. W. Mandatory court review and batterer program compliance // Journal of Interpersonal Violence. 2000. № 15. P. 437–438.

